

Ольга Писаренко

Чижи́к-Пыжи́к

Повесть

16+

Ольга Писаренко

ЧИЖИК-ПЫЖИК

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Писаренко О. В.

Чижик-Пыжик / О. В. Писаренко — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В декабре 1967 года четверо детей остались совсем одни в своей комнате на набережной Фонтанки. Позади у них была разрушенная семья, впереди - жизнь. Они выросли, любили, разгадывали других людей, у них появлялись свои семьи, дети, внуки. Постепенно все пришли к своему счастью: одинокие и семейные, богатые и бедные, здоровые и больные. И тогда они встретились снова, в той же комнате, тоже в декабре, через 50 лет.

Содержание

Утки	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Утки

Она стояла на коленях на широком деревянном подоконнике, держась за кованую ручку старинной рамы, и смотрела сквозь двойное оконное стекло на зимнюю воду Фонтанки. Пять уток качались на волнах возле Аничкова моста среди серых льдин. Пять уток. И их пятеро, вместе с мамой. А без нее – четверо, три старших брата и она, семилетняя хромая Ленка, первоклассница, хорошистка по первой четверти, но не такая сильная ученица, как самый старший брат Ромка, гордость семьи и школы. Одна утка нырнула. «В такую холодную воду! – подумала Ленка – Она же может пропасть, сгинуть, не вынырнуть!» Тоска сковала семилетнее сердце, и маленький кулак отчаянно забил по запотевшему от теплого дыхания стеклу. Раздался хруст, звон и вопли братьев.

«Я знаю, зачем я это сделала, – зловеще прошипела Ленка, когда гордость семьи и школы закончил бинтовать ей руку – я знаю все!» Почерневшие глаза смотрели из-под русой челки жестко и вызывающе. Грустные белокурые близнецы Петя и Коля собирали осколки и шмыгали носами, тычась взглядом во что попало, кроме пугающей сестры. Ромка молчал. Подчеркнуто спокойно он положил старые тяжелые ножницы на подоконник, вынул из ящика письменного стола черную изоляционную ленту, достал из другого ящика картонный лист и подошел к разбитому окну. Ленка продолжала сверлить его взглядом, готовая крушить все, если ее сейчас же не спросят, в чем дело. Но близнецы боялись нарушить молчание, а Ромка все знал сам. Сейчас он должен был врать, потому что внезапно оказался взрослым.

– Завтра мама вернется, и все будет хорошо, – уверенно произнес свою первую реплику дебютант сцены взрослой жизни. Следующим шагом он собирался приласкать маленькую сестру, но она отчаянно зарычала:

– Мама не вернется! Сги-нет! Про-па-дет! Не вы-ныр-нет!

– Врешь! – продрожал звонкий колокольчик Петькиного горла. В голубых глазах Кольки стояли слезы, он смотрел на Ленку с упреком и бесконечной обидой, будто бы она была причиной, а не пророчицей их бед.

– Даже если и так, то при чем здесь стекло, Кассандра малолетняя? – талантливо шутил юный артист Роман Африканов. Она ответила неожиданно безразличным голосом:

– А просто здесь скоро будут жить тетя Люся с дядей Стасей. Надо бы все разбить.

Тут уже Ромка растерялся. Он замер, едва дыша. Его душа вдруг обросла ледяной глыбой и полетела в бесконечную пропасть, а тело превратилось в воздушный шарик и стало легко подниматься ввысь, чувствуя перспективу вот-вот лопнуть. Дебют окончился провалом. Ромка утратил способность говорить реплики и стоял перед зрителями уже ссутулившись, но еще не решаясь снять своей бессмысленно улыбающейся маски.

– Она врет, да? – отчаянно защищался Петька.

– Она сумасшедшая? – выставил последнее укрепление перед натиском немного горя Колька.

– Я не вру, – просто и тихо ответила Ленка, – нам надо готовиться к новой жизни.

Довольно часто Ленке казалось, что внутри нее сидит маленький кукловод. Обычно он спит, но иногда вдруг просыпается и резко поворачивает Ленкину голову в нужную ему сторону, заставляя ее глаза увидеть детали, дающие ответы на различные вопросы. Вопросы возникали внутри Ленки тоже по воле кукловода: он забрасывал их в разноцветных деревянных шариках размером с крупную вишню. Как только шарик залетал в голову, кукловод моментально дергал за ниточки, заставляя Ленку тут же получить ответ. Самое сложное начиналось дальше: она не знала, что делать с этим ответом, потому что кукловод опять засыпал, оставляя ее один на один с полученным предсказанием. Все происходило молниеносно, и она никак не

успевала поговорить с кукловодом, задать ему *свои* вопросы, узнать, зачем он в ней и что ему от нее нужно. Когда он спал, до него было не докричаться.

Вот и в тот вечер Ленка сидела на краю дивана, сгорбившись, выгнув шею и опустив голову так, что челка едва не касалась груди. Ей было горько и неприятно, что именно она говорит о предстоящей беде, ей хотелось защищаться от плохих мыслей не меньше, чем Пете и Коле, но она не могла. Оправившись от немоты, Ромка проговорил медленно и мягко: «Леночка, мама вернется, она не сделала ничего плохого, ее отпустят, и мы опять будем вместе». Ленка молча мотнула головой. Близнецы смотрели на нее со страхом и почти с ненавистью. «А как же мы?» – с вызовом бросил Петька. Ленка пожалала плечами.

Из коридора донеслись знакомые отчетливые шаги тети Люси и резкий стук в дверь. Дети притихли. Стук повторился точно в том же ритме, но с большей силой. Никто не откликнулся. Высокая статная женщина с горячим чайником самостоятельно открыла дверь и уверенно вошла в комнату: «Почему молчите? У вас чай на плите давно кипит, куда поставить?» Молчание. Тетя Люся терпеливо, но настойчиво ждет. «Маму забрали в милицию!» – не выдержав тишины, жалобно скулит Колька. «Мы хотели пить чай на кухне!» – резко обрывает его Ромка. «Если маму забрали, это не значит, что вы должны нарушать порядок», – тетя Люся ставит тяжелый замызганный чайник на резную деревянную подставочку на большом круглом столе с кружевной скатертью. «Вы играли в комнате в мяч?» – вскидывает брови гостя, не испытывая при этом никакого удивления. Неожиданно для себя Ромка выпаливает: «Мы не играем дома в мяч. Стекло разбила Лена кулаком. А еще она сказала, что скоро Вы займете нашу комнату. Это правда?» И вот тут-то тете Люсе очень хочется снять тапок и со всей силы прихлопнуть этих четырех говорящих тараканов, чтобы осталось только мокрое место, но тут же на нее накатывает такое отвращение, что, выталкивая из себя остатки гнилого воздуха, ее легкие чуть ли не слипаются в груди. Она резко зажимает нос и почти выбегает в коридор. «Стерва!» – кричит ей вслед Ромка то, что не раз слышал в ее адрес шепотом от матери.

Маму Ромы, Пети, Коли и Лены забрали в милицию после заявления тети Люси о том, что ее соседка по двухкомнатной коммунальной квартире в доме по адресу набережная Фонтанки, 38, производит и продает самогон. Это была правда. Начинаясь декабрь 1967 года. Морозы еще не приходили, утки не улетели, и «малолетняя Кассандра» впервые решила поспорить с кукловодом. Она подбежала к окну, но птиц на воде уже не было, ни одной. Черный шарик стукнулся о правый висок и с грохотом упал на родной паркетный пол. «Я знаю, что с нами будет, – бросила вслед ему Ленка – мы тоже сгинем». «Ну откуда такие слова-то, что значит «сгинем», ты же сама не понимаешь, что говоришь, прекрати!» – не выдержал Ромка. «Давай убьем дядю Стасю?» – тихо и просто предложила сестра. Эта короткая фраза заставила старшего брата забыть обо всем, кроме душевного здоровья маленькой, физически слабой и больной девочки, оставшейся теперь на его попечении: «Леночка, что ты говоришь, как ты можешь, успокойся, нельзя убивать людей никогда!» «А в войну?» – уцепился за интересную мысль Петя. «Почему дядю Стасю? Он добрый, лучше тетю Люсю!» – заиграло воображение у Коли. Ромка не знал, что делать. Ему было всего 14 лет. Хромая Лена уткнулась в его новую спортивную кофту и тихо заплакала. Он совсем растерялся и предложил близнецам завернуть скатерть и попить чай.

Когда сели за стол, Лена успокоилась и задумчиво объяснила: «Тетя Люся злая, и ее накажет жизнь. А дядя Стася странный. Если он такой добрый, то почему он с ней живет? Мама в сто раз лучше, и добрее, и красивее. Почему так? Если бы у нас был отец, маму бы не забрали, он бы что-нибудь придумал!» «Если бы у нас был отец, не надо было бы то, что забрали вместе с мамой, ничего бы этого не было», – горестно рассуждал сам с собой Рома. «Или если хотя бы Ленка была здоровая!» – простодушно добавил Петя. «Я не виновата!» – обиделась Лена. «А никто и не говорит», – грустно протянул Коля. Всеобщими усилиями остатки мятных пряников быстро были дожеваны. Больше на столе ничего съедобного не оказалось.

На следующий день в восемь часов утра на кнопку звонка над табличкой «Африкановы» по очереди нажимали три нарядные говорливые женщины среднего возраста, роста и полноты. Дети решили не открывать. Если бы это была мама, то она бы звонила совсем не так торжественно и деловито. Мамины посетители тоже звонили по-другому, они нажимали один раз и очень быстро отпускали кнопку, будто и не хотели нажимать, а как-то так случайно получалось. Никакие друзья прийти так рано не могли, следовательно, никакой причины открывать дверь не было. Все четверо настороженно ждали развития неприятных, горьких, обидных, но все же где-то в глубине души немного интересных событий. «А вдруг там кто-то хороший?» – наивно выдал общую сокровенную мысль простодушный Колька. «Вдруг на ниточке паук!» – передразнил его Петька. Ленка замерла, потом резко и бесшумно соскочила со своего дивана и направилась к шкафу, выдавливая из себя истощенным шепотом: «Прячьтесь! Они нас ловят! Это конец!» Перепуганные ее шипением близнецы дружно сиганули под кровать. Один Ромка продолжал лежать в постели.

Из коридора донеслись всегда одинаковые шаги тети Люси, звяканье дверной цепочки, клацанье входной двери и оживленное многоголосие: «Опекунский комитет, детский дом, интернат, Африкановы, лишение, сироты, оформление, определение, доставить». Тетя Люся не проронила ни слова. В следующую минуту заботливое трио стояло над угрюмо отвернутым к стене Ромкой: «Нельзя не идти на контакт, ты ведь отличник, примерный пионер, почти комсомолец, должен понимать: вашу маму забрали на перевоспитание, плохо вы за ней следили!» «Зато тетя Люся с дядей Стасей за ней хорошо следили!» – Ленка решительно бахнула своим слабым кулаком по дверце шкафа изнутри и уверенно вышла на свет. Ее эффектное появление вызвало у гостей замешательство. Она с презрением оглядела трех довольно милых женщин, затем прохромала на самую середину комнаты, картинно встала под тяжелой лепной розеткой и, закатив глаза, произнесла томным грудным голосом: «Можете делать все, что хотите!» «А что у тебя с рукой?» – искренне забеспокоилась женщина в бежевой кофточке. Ленка нацелила на нее хитрый прищур: «А это я разбила стекло! Я еще хотела разбить всю посуду, люстру и мамину любимую фарфоровую русалочку, чтобы ничего не досталось врагу. Но не успела, вы слишком рано пришли. Вы всегда так рано приходите?» «Непростая девочка...» – тихо поделилась своими наблюдениями женщина в голубой кофточке. «Да!» – вздохнула третья, в бледно-розовой. «Ну, зачем же все разбивать? – ласково не сдавалась первая – Вы же еще вернетесь сюда, возможно». «Никогда! – Ленка улыбалась и смотрела с вызовом в глаза лепному ангелу возле люстры, – Никогда!»

Близнецы завозились под кроватью. Ромка натянул одеяло на голову. «А где же у нас Петя с Колей спрятались? Может быть, пора нам уже познакомиться?» – женщина в голубой кофточке подошла к логову братьев и отогнула край сползающего на пол покрывала. Мальчики затаили дыхание. Кровать была довольно низкой, близнецы лежали на полу, прижавшись друг к другу. Голубая кофточка тихо опустила рукавами на плетеный прикроватный коврик, голубые глаза, в тон блузке, смотрели в подкроватную темноту просто и честно: «Мальчики, вы же будущие мужчины, зачем же прятаться. Никто вас не обидит. Надо собрать свои учебники, тетради, вещи, можете взять любимые игрушки – и в путь, мы с вами поедем к таким же детям, как и вы». «Они не трусы – заступилась за братьев Лена – просто мы играли в прятки». «Конечно, не трусы, вы все очень смелые, сильные и умные дети – вступила в разговор женщина в бледно-розовой блузке – и вам всем нужно собираться».

Тетя Люся не ожидала, что все случится так быстро. Она любила детей, но это было в такой далекой глубине ее души, что никогда не выходило на поверхность. Она лишь хотела жить спокойно, без незаконной торговли самогоном за стенкой. Она считала, что имеет на это право. Когда детей Африкановой забрали и квартира окончательно опустела, она вошла на кухню и выкрутила все четыре ручки газовой плиты (духовка у них не работала), потом взяла нож, открыла кран и задумалась над тем, как надо резать вены. Не то, чтобы она хотела уме-

реть, но ей было нестерпимо стыдно, что все так случилось. Она не была стервой, как считали Африкановы, она лишь любила порядок и боялась самогона, тех, кто его варит и тех, кто его покупает. Она не понимала, зачем заводит так много детей, если нет мужа и денег, зачем пичкать их музыкой и рисованием, если они больные, зачем жить так странно и сложно, если все просто... было до сегодняшнего дня. Тетя Люся была еще молодой, моложе Африкановой, но никто не замечал этого, потому что она этого не чувствовала. Ее называли старушкой с детства, потому что она все делала правильно. Что ж, она все сделала правильно и сейчас: детям будет лучше в детском доме, чем с сомнительной матерью, а ей будет лучше умереть, чем жить дальше.

За этими мыслями ее застал дядя Стася. Он не заметил выкрученных ручек газовой плиты, а только нож, воду и глубокую задумчивость своей жены. Он впервые видел ее такой. Дядя Стася был старше на 10 лет, он уже начинал одновременно седеть и лысеть, и многое понимал в жизни. Понял он и это. Он осторожно отвел тетю Люсю в комнату. Но она вовремя опомнилась, стремительно бросилась назад на кухню и принялась отчаянно дергать шпингалеты уже заклеенного на зиму окна. Они не поддавались. Тогда тетя Люся вспомнила про форточку, схватилась за ручку рамы, встала ногами на батарею и высунула голову на улицу. Кухонное окно, как и два окна большой комнаты Африкановых, выходило на Фонтанку. Мокрый снег шлепнул ее пощечиной по лицу, она зажмурилась, улыбнулась и приготовилась принимать эти свежие шлепки с наслаждением, но снег вдруг сменился дождем. Тетя Люся слезла с батареи и еще раз, но более спокойно попробовала справиться со шпингалетами внутренней рамы. Теперь ей это удалось. Рванув на себя фрамугу и услышав треск лопнувших газетных полос, она испытала восторг и заплакала. Когда то же самое было проделано с внешней рамой, она почувствовала себя счастливой от ощущения резкой щемящей прелести чего-то, вошедшего в нее вместе с промозглым воздухом декабря. Она удивилась самой себе, не испытывавшей отвращения, а только удивление и интерес к жизни, как будто только что открывшей ей свои двери. Дядя Стася молча перекрыл газ и принес пальто. В этот момент она твердо решила забрать детей, вернуть их в этот дом и заботиться о них не хуже их странной матери.

Ленку, как больную, которой требуется специальный уход, отделили от братьев, оставленных в Ленинграде, и отправили на лоно природы в Мартышкино. Она не сопротивлялась. Кукловод уже сообщил ей, что впереди ее ждет масса интересного: захватывающие драки с ровесниками, увлекательные путешествия по больничным койкам и безграничные возможности самопознания в полном и абсолютном одиночестве. Болезни ее нельзя было излечить, хромота становилась с годами все сильнее, челка все жестче, а глаза все темнее.

В пятом классе от постоянно опущенной вниз головы или от заложенных природой шуток на спине у Ленки начал расти горб. Ее это сильно обеспокоило. Она поняла, что нельзя больше прятать свое лицо от жизни, пора распрямиться и смело посмотреть ей в глаза. Вернувшись в детский дом из очередной больницы, она открыла дверь в свою комнату, где две соседки развлекались с хомячком вместо того, чтобы делать уроки. Весело улыбнувшись всем трем живым существам, она сказала задорным голосом: «Привет!» Подружки хихикнули от неожиданности, но сразу приняли Ленку в свою возню с юрким грызуном, будто бы она никогда и не была угрюмой и замкнуто-враждебной. С тех пор все пошло куда как лучше. В больницы она стала попадать реже, горб перестал расти, только хромота оставалась, но она решила делать вид, будто хромает специально, потому что ей так хочется. Никто не верил, но все поддерживали ее игру. Кукловод никуда не исчез, только вопросы он теперь закидывал в ее голову менее значительные: вместо «Долго ли мне еще жить?» – «Что я получу завтра за контрольную?», а вместо «Что там с мамой?» – «Кто выиграет в домино?». И шарики стали не черными, а разноцветными, и стукались о череп не так больно. Ленка решила для себя, что всякий ребенок должен иметь счастливое и беззаботное детство, и она не исключение, потому что она тоже ребенок, хоть и хромой, хоть и без мамы, и с кукловодом в голове. Но и другие не лучше: у кого-то мамы

с самого рождения нет, вместо хромоты у Лизы очки со стеклами толще тарелки, а у Вали пятно на все лицо, а что у них в головах вместо кукловода – вообще неизвестно. И ничего, все играют и веселятся, значит и ей можно, значит и она будет, и нечего больше упрямитесь!

Оказалось, что веселиться она умеет не только не хуже всех, но даже лучше многих. Она придумала для детского дома новую игру: соседи и самогонщики. Первые должны были отыскивать у вторых какой-то заранее условленный секретный предмет, а роль вторых сводилась к тому, чтобы постоянно его перепрятывать. Позже игра усложнилась включением в нее друзей, задача которых состояла в том, чтобы находить самогонщиков и помогать им перепрятывать предметы, а так же милиции, которая по наводке соседей должна была следить за друзьями, отыскивать вместе с ними самогонщиков и арестовывать их, отнимая секретные предметы. Игра захватила всех. Воспитатели были немного обеспокоены этой ситуацией, но у них достало мудрости не вмешиваться, а ждать, пока волна энтузиазма по поводу новой забавы схлынет сама собой.

Ленка всегда выбирала для себя роль самогонщика или друга. Когда ее арестовывали и отбирали секретный предмет, она билась из последних сил, кричала и кусалась. Но арест все равно всегда был неизбежен, таковы были условия игры, которые она сама же и придумала. В голове у Ленки, возле правого и левого виска, друг напротив друга, сидели два противоречащих друг другу вопроса: «Зачем она сопротивляется, если все равно это конец?» и «Почему мама так не делала?». Ленка умела мыслить и понимала, что глупо сопротивляться превосходящей силе, в том числе судьбе. Но тогда почему она каждый раз кричит, кусается и не может остановить себя до тех пор, пока ей не свяжут руки и ноги и не завяжут рот? И почему мама могла? Что такое она знала, чего не знает Ленка? То, что все пройдет и вернется к прежнему состоянию? Но ведь и Ленка знает, что игра начнется сначала. Значит, дело не в этом.

Вопрос, почему мама не сопротивлялась, теперь мучил Ленку. Ей очень хотелось, чтобы кукловод на него ответил, но он был эгоист и отвечал только на те вопросы, которые интересовали его, но иногда совсем были не важны для нее. Так, например, однажды он сообщил ей, что директора детского дома скоро чем-то наградят. Ленка умела радоваться за других, но в этот раз разозлилась, оттого что ее голова забивается ерундой, а важное остается непонятым. Поэтому она пошла к директору и все ему рассказала, решив, что к ней по ошибке залетели чужие шарики. Поскольку весть была радостная, Ленка ожидала положительной реакции: улыбки, поглаживания по плечу, может быть конфеты или печенья, ну а в самом лучшем случае – небольшого приятного разговора. Но разговор оказался неприятным. Ей сказали, что не надо думать, а тем более говорить о том, что ее не касается. И спросили, между прочим, довольно строгим тоном об успеваемости и поведении. По этим двум пунктам были небольшие проблемы, но в сравнении с проблемами других детей они считались мелочью, поэтому ее очень сухо похвалили и отправили к себе.

Ленка вышла из кабинета, плотно и осторожно закрыв за собой дверь, и встала в нерешительности в пустом коридоре, упершись взглядом в переход от коричневого плинтуса к темно-зеленой крашеной стене. Себя она представила плинтусом, а директора – стеной. Вот они вроде бы рядом, вроде касаются друг друга, но плинтус был покрашен так аккуратно, что коричневая краска нигде не заходила на стену, а это означало, что между ними нет ничего общего, они совсем разные: плинтус узкий, длинный и деревянный, а стена огромная и каменная. Зачем он лежит около нее, что ему от нее нужно? Ничего! А вот стене плинтус нужен, иначе она сразу упрется в пол, и это будет ей не очень приятно. Почему же он, директор-стена, так неприветлив с ней? Ведь он в ней нуждается, она нужна ему, и может быть даже он ее любит, как и всех своих сиротливых детей. Ленка резко повернулась опять к двери, вошла и спросила просто: «Вы меня любите?» Директор был похож на Ленина: маленький, лысый и добрый. Он встал, подошел к ней, погладил ее по плечу и сказал так же просто: «Конечно!» Ленка обняла его со всей силы, а потом резко отпустила и бросилась бежать к себе. Ей хотелось кричать от радости,

но она понимала, что не стоит нарушать порядок. Потом Ленка несколько дней обдумывала произошедшее и поняла одно: взрослые – это кирпичные стены, надежные, но очень твердые, в них нельзя вбить гвоздь или воткнуть кнопку, чтобы как-то в них проникнуть, нужна дрель.

А через несколько дней кукловод ответил на ее непростой вопрос. Они опять затеяли игру в соседей и самогонщиков. Ленка, как обычно, закричала: «Чур, я – сам!», что означало, что она хочет быть самогонщиком. Но всегда на все согласная Валя с пятном на лице вдруг запротестовала: «Ты всегда сам, так не честно!» Ленка апеллировала к своим авторским правам на игру, но ей это не помогло. Все согласились с Валею и решили, во что бы то ни стало, отправить Ленку на этот раз в отряд соседей. Заставить ее что-либо делать было невозможно, она всегда делала все только по доброй воле. Чувствуя, что, не проявив этой воли, она может сейчас потерять свое недавно обретенное счастливое детство, Ленка выдавила отчетливо и слегка презрительно: «Не надо меня гнать, я сама пойду в соседи, давно хотела!» И пошла, решительно, как она делала все и всегда. Между тем ей было очень непросто. Персонажи игры для нее делились на своих и врагов, и это были не игрушечные враги, а самые настоящие. И сейчас она должна была играть роль своего врага, роль тети Люси, но она не знала, как к ней подступиться, что чувствовать, о чем думать.

Для начала нужно было выбрать, за кем следить. Ей на глаза попался белобрысый, голубоглазый, скрытный и замкнутый мальчик. Он был старше Ленки на год, но вел себя как маленький: ни с кем не общался и следил за всеми настороженно и враждебно. Его голубые глаза казались Ленке ледяной стеной, за которой она иногда пыталась отыскать образы своих братьев-близнецов Пети и Коли, таких же голубоглазых и пугливых. Но когда она представляла, что ее братья сделались похожими на эту жалкую сосульку, ей становилось грустно, и она переставала о них думать. Лед Севиного сердца (так звали мальчика) давно не нравился Ленке. Родная природа ежегодно настойчиво уверяла ее, что лед можно растопить. Внушительные примеры этой грандиозной топки всегда производили на Ленку сильное впечатление. Но она была порывистой и нетерпеливой, по своей личной природе она не могла действовать по примеру северного солнца. А те, кто могли, наверное, не хотели, или не успевали.

Так или иначе, но, оказавшись в роли тети Люси, она решила разбить вдребезги этот не поддающийся топке лед. Перехватив колючие синие лучи пугливых Севиных глаз, она почувствовала себя хищником, выследившим добычу. Секретным предметом жертвы был потрепанный, сложенный в несколько раз тетрадный листок. Так повторялось из игры в игру, но никто не искал этот листок, не желая связываться с Севой. Мальчик играл, по сути, сам с собой, пряча предмет всегда в одно и то же место, в складку подогнутого края висящей в холле занавески. Потом перепрятывал его в ту же складку, но с другого конца. Никто не обращал на него внимания, и сокровище всегда было в безопасности. Тем не менее, мальчик при этом переживал всю гамму заложенных в его роль эмоций: волнение, тревогу, опасение, затем облегчение и радость избавления от опасности. Когда же на этот раз Ленка уверенно направилась к его излюбленной занавеске, он запаниковал. Надо было срочно доставать предмет из тайника и бежать в другое место, чтобы там его перепрятать. Но другого места он не знал. Перекладывание из одного конца шторы в другой было самообманом, вмиг он осознал это и раскаялся, но поздно. Ленка приближалась неотвратимо, как сама судьба. Она настолько увлеклась добычей, что забыла даже позвать милиционеров, она вообще не видела ничего вокруг, кроме Севиных глаз, в которых ледяные лавины срывались со скал и летели в пропасть, обнажая мертвую, жалкую и незащищенную каменистую почву. «Милиция!» – вдруг истерично завопил мальчик. «Дурак, они же за меня, зови своих друзей!» – зловеще и насмешливо шипела хищная Ленка. Но друзей у Севы не было, и она это прекрасно знала. Мальчик взвизгнул, схватил край занавески и сжал его в своих костлявых ладонях, потом потянул их вниз, пытаясь спрятать руки в согнутом теле. Занавеска доходила только до края подоконника, поэтому она сорвалась с зажима, держащего ее сверху. За игрой наблюдало несколько детей в холле, все предвкушали

что-то, выходящее за рамки понятного, и это будоражило воображение. Кто-то неистово звал «милицию». Ленка набросилась на худое скрюченное тело и вырвала из него скомканный край занавески. Она была еще тщедушнее Севы, но всегда отличалась непонятно где прячущейся силой. Подросла «милиция». «В подвороте – шипела Ленка – бумажка в подвороте!» Но Сева успел опять схватиться за край шторы и вытянуть из него свой листок. Ленка принялась разжимать его кулак, но на этот раз ее силы оказалось для этого недостаточно. Одной рукой она держала Севу за запястье, а другой пыталась отогнуть пальцы. Милиция держала вторую руку «самогонщика». Сева пинал всех без разбора, но не кричал, зубы его были стиснуты, в глазах стояли слезы. Ленка этого не видела, она была увлечена рукой. Чувствуя, что ей не хватает сил разжать ее, она дернула за край клетчатого тетрадного листка и оторвала клочок. В этот момент Сева заревел в голос и раскрыл ладонь.

«Секретный предмет» упал на пол. Все подбежали к нему. Мальчик рыдал в занавеску. «Милиционер» развернул замусоленный листок. У него оказались оборванными все четыре края, а также средняя часть справа и слева. «Почти снежинка!» – засмеялся второй «милиционер», не тот, который раскрывал. Листок пошел по рукам собравшихся детей. На нем были нарисованные химическим карандашом волк из мультфильма «Ну, погоди!» и заяц с оторванными кончиками ушей. Внизу все прочли: «ве от мам». Бант на шее волка был размыт от попавшей на него когда-то капли воды. Ленка расправила оставшиеся в ее руках клочки со слогом «Се» и буквой «ы». «Не надо было так сопротивляться», – проговорила она задумчиво и тихо. В этот момент белый шарик стукнулся о череп, и она увидела спокойное лицо мамы, когда ее забирали, и бумажных человечков – себя и братьев. У нее перехватило дыхание, и она готова была разрыдаться вместе с Севой, но сдержалась. «Никогда не бывает потеряно все!» – стучало у нее в сердце. Она представляла себе грубую картину: мама кричит, как Сева, а их рвут, как бумажный листочек с волком и зайцем. «Надо жить очень осторожно!» – почувствовала она. И мама представилась ей гимнасткой на канате.

Смотреть на рыдающего Севу никому не хотелось, и ребята быстро разошлись играть дальше. А Ленка осталась. Она не успокаивала плаксу, а просто стояла рядом, держа в руках «снежинку» и оторванные от нее клочки. В это время в зал вошла утиной походкой пожилая нянечка. «Чего он так бушует?» – спросила она родным голосом этих стен. «Я порвала его рисунок от его мамы», – бесстрастно проговорила Ленка. Потом послушала себя и добавила с сожалением: «Нечаянно, мы играли». Руки нянечка держала в карманах халата, голова ее всегда была слегка наклонена на бок, а ноги обуты в красные войлочные тапочки. Ленка увидела перед собой уточку, которая внимательно смотрит на нее всезнающей черной бусинкой глаза, потом открывает аккуратную лопаточку клюва и крикает простую утиную мудрость: «Ну, так склей!». Ленка улыбнулась, очарованная этой простотой, а уточка уплыла. Краем шторы, как полотенцем, Сева вытер умытое слезами лицо и обернул его к Ленке. В синих зрачках мальчика бурлили полноводные реки, кружа и круша разнокалиберные льдины. «Вот и разбила!» – подумала Ленка, схватилась за край одной из них и поплыла.

- Ты почему не ушла, как все?
- Я склею твой рисунок!
- Я сам! Ты почему не ушла, как все?
- Зачем?
- Чтобы играть!
- Но я же с тобой играю.
- Почему?
- Потому что ты – мой сосед, а я – твой.
- А ты знаешь, что я скоро умру?
- Зачем?
- Не «зачем», а «почему».

- «Почему» – я знаю, а «зачем» – нет.
- Я не знаю.
- Тогда не говори об этом.
- Почему?
- А зачем?
- А я про другое не умею.
- Поэтому с тобой никто и не играет.
- А ты?
- А у меня горб растет!
- Зачем?
- Чтобы я была похожа на бабу ягу! Страшно?
- Не очень. А тебе?
- Ничуть!
- Почему?
- А зачем?

Льдина, на которой плыла Ленка, осталась последней, все остальные растаяли. Ленка прыгнула с нее на берег, по которому уже робко прогулялась весна. «Я больше не буду играть в соседей и самогонщиков, и ты не играй. Давай придумывать другое», – предложила она. «Ну, давай», – колеблясь, согласился Сева. И придумал.

Весна набирала обороты не только в Севиней душе, но и за розовыми оштукатуренными стенами детского дома. На одной из прогулок озадаченный поиском новой игры Сева увидел, как один малыш опускает свою vareжку в лужицу, а потом трет ею штукатурку, и стена в том месте становится ярче. «Ты играешь в маляра?» – в радостном предчувствии драгоценной находки спросил его Сева. Малыш ничего не ответил и на всякий случай отошел подальше, но продолжил свое дело. Сева попробовал повторить за ним, и результат превзошел ожидания: стена на глазах становилась ярче, отчего в душе плавно вскипало ликование, выплескиваясь в блаженно-изумленную улыбку. «Как просто и необыкновенно» – подумал Сева и захотел вдруг сочинить стих с этой фразой. В поисках рифму к слову «необыкновенно», он сложил следующую строчку: «Это не сложно совершенно». Но она уже не казалась поэтической, потому что ничего не выражала и не содержала, кроме рифмы. Она не нравилась Севе, но ничего другого он придумать пока не мог. Тем не менее, он не сдался, а записал первую строчку и решил, что обязательно доведет ее до стиха когда-нибудь в своей жизни, может быть вечером или ночью, или завтра утром.

На следующий день вокруг Севы и Ленки собралась бригада малышей с ведрами, совочками и свисающими на резинках vareжками, готовыми к работе. Ровесники Севы и Ленки новой задумки не оценили, найдя ее скучной. «Ну и дураки!» – пригвоздила Ленка. «Они не понимают красоты», – задумчиво согласился Сева. А потом неожиданно для себя выпалил, глядя Ленке в глаза: «Вот я никогда не знал, что ты такая смелая, добрая и умная!» В это время в Ленке проснулся кукловод, бросил ей в голову красный шарик и повернул ее лицом к плакату: «Труд облагораживает человека!» С плаката смотрел смелый, добрый и умный парень, работающий за слесарным станком. Это был Ромка. «Это мой брат!» – прошептала Ленка. Она прекрасно умела сдерживать слова и мысли, которые ее посещали, но сейчас хотела поделиться, потому что чувствовала, что с Севой можно. Он изумился: «Ты раньше этого не замечала?» «Да! Может, это и не он, но очень похож, а это значит, что мой брат вырос и работает на заводе!» – говорила возбужденным шепотом Ленка, пытаясь посчитать, сколько же Ромке сейчас лет. «Ну, если это не точно он, то может все и не так», – резонно заметил Сева. Ленка сосчитала, что Ромке уже 18, утвердилась в своем мнении и уверенно ответила: «Ну, уж нет, если мне так показалось, значит, это так и есть, это уж точно, поверь! У меня такая особенность, с детства. В древности тоже была одна такая женщина, ее звали Кассандра, мне про

нее еще мама рассказывала. Только я этого никому кроме тебя не говорила, понял?» «И не говори, – дружески предостерег Сева, – а я понял».

Сева действительно понял Ленку. Про Кассандру он не слышал, но умел прислушиваться к своим ощущениям, которые рассказывали ему о ближайшем будущем. Он называл это предчувствием. До момента столкновения с Ленкой все его предчувствия были похожи на черные засасывающие воронки, от которых его мутило. Само слово «предчувствие» у него ассоциировалось с такой воронкой. Он предпочел бы жить без предчувствий и вообще без чувств, но такая роскошь была ему недоступна. Поэтому он хотел умереть. Он очень устал от своих воронок-предчувствий и мечтал расстаться с ними навсегда. В тот момент, когда Ленка вырывала из его синего кулака листок с волком и зайцем, он мечтал стать камушком и упасть, наконец, на дно этой воронки, но дна у нее не было. Это-то и было самым противным и тошнотворным. Он барахтался, кружился и летел бесконечно. Только когда все ушли, а Ленка осталась, он впервые столкнулся с предчувствием без отвращения к нему. Ему казалось, что он стоит на зеленом берегу тихой речки и солнце согревает его от макушки до пят. Он не помнил, чтобы с ним когда-нибудь такое было в действительности. В солнечных лучах купался только зайчик из «Ну, погоди!», которому Сева бесконечно и мучительно завидовал. И вдруг он сам оказался на его месте: солнце пробирает до самого центра тела, а под ногами не лед и не слякоть, а мягкая трава. И это тоже было предчувствием, не мечтой, не сном, а самым настоящим предчувствием, от которого не избавиться.

Все последние дни Сева благодарил себя за то, что он все-таки не умер, потому что иначе он бы никогда не узнал, как это бывает приятно – жить. Но теперь-то уж он знал, одного этого солнечного предчувствия было достаточно, чтобы понять, за что все живые так цепляются. Теперь-то Сева полюбил жизнь, и полюбил Ленку, которая ему ее подарила своим присутствием рядом. Он так и говорил себе: «Я люблю Ленку». И не стеснялся этого, и не пугался, а наслаждался ее близостью. Впервые в жизни он любил знакомого ему, живого человека, а не абстрактную маму, которая никогда не показывалась, а только присылала ему картинки из его любимого мультфильма, нарисованные химическим карандашом воспитательницы. Ленка не заменяла мамы, но она стала всем, с чем стоило познакомиться и к чему стоило прикоснуться на Земле. В последние дни Сева всегда улыбался. Никто не знал, почему, никому это не было интересно. И только Ленка кое-что понимала. Она не боялась Севиной любви. Она вообще ничего и никогда не боялась, этим она отличалась от всех людей, в этом была ее психическая патология. Она это знала от своего кукловода. Когда они еще жили с мамой, Ленка пыталась вызнать у нее, что такое страх, что он делает с людьми. «Колени подгибаются», – говорила мама. «Это – усталость» – отвечала Ленка. «Руки дрожат», – продолжала мама. «Это – холод», – находила Ленка. «Сердце леденеет!» – завершала мама. «Такого не бывает!» – возмущалась Ленка. Ее сердце всегда было только горячим, в нем тоже была патология. И теперь оно такое, патологическое, неправильное, неразумно расходующее энергию, взломало и растопило Севин лед.

Через неделю после памятной игры в «соседей и самогонщиков», Валя с пятном на лице все-таки заметила Севину улыбку и заинтересовалась ею. «А что ты все время улыбаешься?» – просто решила она удовлетворить свое детское любопытство. Сева вздрогнул от неожиданности, не зная, что ответить. Сказать: «Я улыбаюсь потому, что мне хорошо оттого, что я полюбил Лену Африканову», – было бы честно и правильно, но он чувствовал, что так не делают, так почему-то не принято, так могут засмеять. Дело происходило по дороге из школы в детский дом. Огромные хлопья последнего весеннего нега сползали по солнечным лучам с распухшего молочного неба на размякшую после зимнего сна землю. Валя наивно ждала ответа. Сева растерянно опустил глаза и увидел носки своих валенок в калошах с налипшими на них снежными комьями. Он наклонился, сделал снежок и пустил его в Валу, удивляясь собственной храбрости. Валя отскочила, озираясь в поисках нетоптаного снега. Их игру увидела Ленка, которая

шла вслед за ними рядом с Лизой. Лиза носила очки с очень толстыми линзами, потому что была почти слепой, за что получила прозвище «Кротиха». Еще у нее был зонтик, который она раскрывала над головой в дождь и снег, чтобы стекла очков не заливало и не залепляло. Мокрый снег лежал на верхушке Кротихино зонтика, как на северном полюсе вокруг земной оси. Лена собрала этот маленький северный полюс в свой горячий кулак, и в Валу полетел второй снежок, сопровождаемый Ленкиным возгласом: «А не твоего ума дело!» И вдруг Ленка сама оказалась подбитой Кротихиным комочком, пущенным с тоненьким, но ясным кличем: «Пали жениха и невесту!» К игре радостно подключалось все больше ребят, беспорядочно обстреливающих друг друга.

Все кричали про жениха и невесту, но никто, кроме Вали и Кротихи, не знал, к кому эти слова относятся. В разгар веселья или войны повод не важен. И только Сева каждый раз вздрагивал от этих слов, по привычке еще пугаясь других детей. Но Ленка была рядом. Она палила во всех подряд, кроме Севы, радостная, смелая, ловкая, и почти не хромяя, и почти совсем не горбатая. Сева впервые после того, как она одарила его своим теплом, посмотрел на нее со стороны. Он увидел, что она красивая, как зайчик из «Ну, погоди!», и такая же озорная и добрая, и такая же удачливая, как будто из другого мира. Не понимая, как это случилось, Сева повалил ее на землю, обнял и поцеловал. А она обняла и поцеловала его. А снег шлепался на их прижатые друг к другу лица, словно ставил на них печати: «осчастливлены», «осчастливлены», «осчастливлены». Дети обогнали «жениха» и «невесту», думая, что Ленка и Сева повалили друг друга в игровой драке. Истоптав, измяв и перепачкав все вокруг, они умолкли вдали. «Жених» и «Невеста» тихо плелись вдвоем, не отряхиваясь, устав от навалившегося счастья. Наконец, Ленка решила поблагодарить небеса, подняла голову и увидела уток. Красивая черная галочка, одно крыло которой было чуть больше другого, упиралась носиком в снежное облако. «Осенью и весной перелетные птицы расчерчивают голубое небо черными галочками своих стай», – строчка из диктанта упала деревянным шариком в ее счастливую голову. «Мама!» – вырвалось у Ленки. «Что «Мама»?» – не понял Сева.

– Мама вернулась.

– Куда?

– Не знаю.

– Когда?

– Не знаю.

– И что теперь будет?

– Не знаю.

– А откуда ты знаешь, что она вернулась?

– От уток.

– Откуда?

– Помнишь, я тебе говорила, в древности была одна такая женщина, она кое-что знала иногда. Помнишь?

– Да.

– Понимаешь?

– Да.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.